

ПЬЯНСТВО СРЕДИ РАБОЧИХ ПОВОЛЖЬЯ В ПЕРИОД НЭПА

Аннотация. В статье рассматривается повседневная жизнь рабочих, связанная с употреблением алкоголя. Автор приходит к выводу, что пьянство в рабочей среде стало традиционным элементом рабочего досуга. Рабочие оказались наиболее пьющей группой городского населения, что, несомненно, несло огромные убытки на производстве за счет пьяных прогулов, брака, производственного травматизма.

Ключевые слова: алкоголь, рабочие, пьянство, рабочий досуг, производство, нарушение трудовой дисциплины, движение за трезвость, города Поволжья.

Abstract. The article deals with the daily lives of workers addicted to alcohol. The author comes to the conclusion that alcoholism among workers became an integral part of spending free time. Workers became the most alcohol addicted group of the urban population, which undoubtedly incurred enormous losses in the production process due to drunken truancy, defective goods, on-the-job injury rate.

Key words: alcohol, workers, drinking, free time, production, violation of labor discipline, movement for sobriety, town of the Volga region.

*Какая же это будет веселая жизнь,
Если не будет хватать хорошего пива
и хорошего ликера?*

А. И. Микоян

Проблема девиантного поведения всегда привлекала внимание исследователей. Но, пожалуй, с наибольшей остротой данная тема притягивает внимание в переходные периоды исторического развития социума. Быстрый социальный сдвиг всегда приводит к росту явлений, отклоняющихся от нормы.

Употребление спиртных напитков всегда составляло неотъемлемую часть культурно-антропологического процесса. История России убедительно свидетельствует, что потребление алкоголя является частью повседневной жизни. Первоначально алкогольные напитки употреблялись как составная часть культовых обрядов, затем винные ритуалы превратились в обычаи выпивать по случаю различных праздников, торжеств. С течением времени алкоголь стал приобретать все большую роль, оказывая влияние на культуру, мораль и поведение людей. Вполне обоснованно, что ученые стали оценивать потребление спиртных напитков как неотъемлемый элемент повседневной жизни.

В 1920-е гг. самым распространенным негативным явлением в рабочей среде, без сомнения, являлось пьянство, которое оказало огромное влияние на поведение трудящихся на производстве и дома. С ростом потребления алкоголя увеличивалось пассивное отношение к труду. Употребление спиртных напитков отвлекало материальные средства из семейного бюджета, тем самым вызывая недовольство членов семьи. Все это приводило к отрицательным эмоциям как у самого потребляющего, так и у его окружающих.

С введением нэпа в среде фабрично-заводских рабочих стали возрождаться обычаи бытового пьянства: традиция «первой получки», с которой

необходимо было напоить коллег по работе, «обмывание нового сверла» и т.д. Возобновилась традиция походов в гости. В гости ходили по праздничным дням. Выходными днями по-прежнему считались 12 религиозных праздников. Активно стали отмечаться и новые советские праздники: 7 ноября, 1 мая и т.д. Культура проведения торжеств была одинаковой: приготовление праздничной еды, прием или посещение гостей. Походы в гости, по данным С. Г. Струмилина, в 1913–1924 гг. являлись самой распространенной формой проведения досуга всех слоев городского населения России. Как правило, они сопровождались употреблением алкоголя. Согласно официальным данным, взрослые рабочие в начале 1920-х гг. тратили на спиртное 4 % своего дохода [1, л. 28]. В промышленности процент пьющих рабочих в среднем равнялся 90 %, и, как отмечала И. Такала, «пьянство ежедневное, хроническое, то, которое население считает вполне допустимым, растет быстрее, чем пьянка по случаю» [2, с. 178].

В первой половине 20-х гг. в условиях запрета водки самогон занял ведущее место среди спиртных напитков, потребляемых рабочими. Это подтверждают данные статистики. В Пензе в 1922 г. милицией было раскрыто 280 точек по производству самогона, в 1923 г. – 591, а 1924 г. – 594 [3, л. 77]. В Астрахани за 1923 г. милицией составлено 6917 «самогонных» протоколов (из которых за распитие самогона – 67 % дел, за варку самогона – 24 %, за торговлю – 5 %, за хранение – 4 %) [4]. Согласно данным пензенского историка С. Е. Панина, анализ «Индивидуальных карт по обследованию здоровья рабочих и лиц, живущих в общежитиях» за 1924 г. показал, что в 90 % случаев самым популярным напитком рабочих г. Пензы являлся самогон [5, л. 44].

Самогонщики на протяжении нескольких лет стали очень опытными и организованными, ухитрялись разными способами скрывать свое занятие, избегать уголовной и административной ответственности. Так, самарский рабочий-трубочник написал в газету «Коммуна» следующую заметку: «В феврале 1923 г. возле завода милиция изловила одну злостную самогонщицу Сидорову. Суд ей присудил один год принудительных работ и 300 рублей штрафа. Штраф Сидоровой был внесен: самогонщики народ денежный. Но вот когда Сидоровой пришлось идти на принудительную работу, то она нанимает за себя одну бедную девушку и посылает ее под своим именем на работу, а сама «благородно» сидит дома и ждет, когда у трубочников будет получка» [6].

Явления массового пьянства в рабочей среде были характерны для большинства предприятий исследуемого региона. Так, начальник артели на Самарском лесопильном заводе «Волго-Каспий-Лес» Ельцов варил самогон и спаивал рабочих до потери сознания [7].

В 1924 г. в Астрахани в неделю Масленицы (с 4–9 марта) прошла облава: в 12 столовых и ресторанах было обнаружено 159 бутылок беспатентного пива и около 30 л самогона, у частных лиц конфисковано 18 самогонных аппаратов и около 150 л произведенного самогона [8]. В Нижегородской губернии за 1924 г. за сбыт и хранение спиртных напитков, спиртосодержащих веществ было осуждено 9880 человек [9, с. 96–97].

Советские и партийные органы в это время были чрезвычайно озабочены пьянством рабочих. Пензенский горрайженотдел в январе 1924 г. поставил вопрос о хроническом пьянстве в семьях рабочих. На заседании отмечалось, что никаких улучшений ситуации не происходит, а жены стали панически бояться своих мужей [10, л. 1]. Горрайком РКП(б) в феврале 1924 г. конста-

тировал, что «...пьянство среди печатников прочно вошло в их быт и является хроническим» [10, л. 23]. Газета «Трудовая правда» свидетельствовала о том, что рабочий Лесозавода № 11 вздумал отпраздновать Рождество 1925 г. Зашел в шинок и за отсутствием денег начал закладывать одежду. Заложил френч, потом бекешу, а дальше... и брюки. Идти из шинка оказалось не в чем. Жена обратилась к милиционеру за помощью, и он выручил рабочему бекешу, но под расписку, что рабочий уплатит за выпивку [11].

«Рыковка» появилась осенью 1925 г. после принятия декрета СНК СССР от 28.08.1925 г., по которому разрешалось продавать водку в органах госторговли. Ситуация усугублялась еще и тем, что винно-водочные изделия, продававшиеся населению, приносили государству немалый доход, который затем шел на нужды индустриализации. В середине 1920-х гг. наблюдалось массовое явление – посещение рабочими, в особенности в праздничные дни, различных пивных и бильярдных. Характернее всего было то, что в связи с разрешением продажи алкогольных напитков у магазинов зачастую можно наблюдать целые очереди рабочих. «Хулиганить, дебоширить нельзя. А вот распивать водку на воле, где попало – можно. Распитие вина на воле в последнее время принимает повальный характер: пьют около винных лавок и магазинов не только в захолустных местах, но и в центре города. Вокруг некоторых лавок и магазинов собирается до полусотни всякого сорта пьяниц... Иногда здесь происходят целые побоища, публике нет прохода – густой мат висит в воздухе беспрерывно» [12].

За период с 1 по 15 октября 1925 г., т.е. с момента открытия продажи 40-градусной водки, Самарской милицией было зафиксировано шесть случаев скоростижной смерти граждан города от чрезмерного опьянения. В Пензенской губернии за 1925 г. было задержано за пьянство 1367 человек [13, л. 117]. В 1925 г. на семью в месяц покупали в среднем 1,5 бутылки, в 1927 г. – 2,4, а в 1928 г. – уже 3 бутылки [14, с. 118]. Особенно резко пьянство увеличилось в рабочей среде. В Пензе из 493 человек, задержанных пьяными, 239 оказались рабочими (т.е. 48 %) [15, л. 129]. Конец рабочей недели достаточно красноречиво был описан самарской газетой «Коммуна»: «Когда вы вступаете на землю самарской слободы, вам, прежде всего, бросаются в глаза освещенные окна пивных, чайных и постоялых дворов. Они расположены по преимуществу в одном центральном квартале главной улицы. Там извозчики, пересыпающие свою речь удушающим матом, для которых чайная – и клуб, и биржа, и место отдыха и развлечений. Подходит к концу трудовая неделя. В это время переполнены чайные и пивные. В одну из них заходим. На лестнице – целый рой беспризорных. Подпившие еще раньше рабочие с лесопильного глушат хмель пивом и закусывают калачом, отрывая большими кусками от огромного каравая» [16]. В шестом районе Астрахани, в рабочем поселке на Эллинге, рабочие в дни получки считают своим долгом завернуть в пивную «раздавить парочку» и послушать «двухрядку». Нередко в пивной остается вся получка.

Пьянство рабочих стало вообще жестоким бичом для администрации предприятия: рабочие пили не только в нерабочее время, но и прямо у станков. Доходило до того, что из-за пьянства рабочих останавливались предприятия. Вот некоторые выдержки из информсводок ОГПУ за 1926 г. «В Сталинграде на заводе «Баррикады» употребление спиртных напитков отмечается не только среди рабочих, но и мастеровых. На предприятиях «Волго-Каспий-Лес» пьют все, начиная с рабочего и кончая администрацией, нередко упо-

требляющие тащили из дома последнее свое имущество и пропивали его» [17, л. 19]. «В Самаре рабочие частенько во время пьянки пропивали выданную спецодежду» [18, л. 140]. «На писчебумажной фабрике «Маяк революции» в г. Пензе пьянство охватило всех трудящихся завода, встретить трезвого стало большой редкостью» [19]. «На суконной фабрике «Творец Рабочий» поголовное пьянство рабочих с 14–15 лет». «Повальное пьянство на стеклозаводе № 1 «Красный Гигант» и т.д. [20, л. 551–552, 740]. При этом повальное пьянство на последнем было спровоцировано директором завода Куникеевым. По данным ГО ОГПУ, он постоянно выдавал рабочим авансы на водку и похмелье (на предприятии в 1926 г. трудилось 1300 рабочих), ходил с ними в шинки. Во время его отъезда эта порочная практика прекращалась. А вот когда он возвращался из командировок, то «...группы рабочих выходят на дорогу, без шапок встают на колени и поют «Интернационал», выражая просьбу – получить 1 руб. на водку, и получают» [21, л. 614]. В отчетах нередко отмечалось, что «на работу рабочие приходят трезвые, а через три часа уже пьяные». В вагонной мастерской депо Рузаевка рабочие группами по 10–15 человек организованным порядком одновременно скрываются с производства и приходят обратно еле живыми [22, л. 61].

Астраханская губернская газета «Коммунист» в 1928 г. отмечала, что среди строительных рабочих наблюдаются постоянные пьянки. Плотники, приезжавшие артелями по 50–60 человек, пропивали весь свой заработок и уезжали в свои губернии ни с чем. Случалось, что маляры продавали краску, посылали женщин-чернорабочих за водкой и тут же, во время работы, устраивали пьяные гулянки. А стройка не двигалась. Для того чтобы купить водки, рабочие нередко продавали строительные материалы [23]. Интересный случай произошел в феврале 1925 г. на общем собрании печатников гостипографии в Сызранском уезде. Собрание было сорвано из-за большого количества пьяных. Как отмечалось в отчете, исполнение «Интернационала» напоминало «крыловский квартет»: одни размахивали руками, другие подплясывали. Из толпы раздавались крики: «Коммунистам будем отрывать головы» [24, л. 34].

Потребление алкоголя рабочими с 1924 по 1928 г. увеличилось в восемь раз. По материалам обследования, в 1927 г. в крупных городах Европейской части РСФСР расходы на пиво и вино только у молодых рабочих составляли 16–17 % заработка, что в полтора раза превышало затраты на книги [25, с. 7–8]. Так, например, в 1924 г. рабочие Ульяновска на пищу тратили 26,6 руб. ежемесячно и 5,75 руб. на выпивку (т.е. в 4,6 раза меньше), в то же время американские рабочие на выпивку тратили в 6,2 раза меньше, чем на питание [26]. На Ерманских лесозаводах часть рабочих на алкоголь тратили до 70–80 % заработной платы [27, л. 136].

Печальной тенденцией 20-х гг. стало пьянство комсомольцев и членов ВКП(б), особенно выдвиженцев. Последнее обстоятельство была вынуждена констатировать Контрольная комиссия ЦК ВКП(б) еще в 1924 г. Не случайно в народе бутылку в 0,1 л стали именовать «пионером», в 0,2 л – «комсомольцем», а поллитровку уважительно величали «партийцем». Частушка 20-х гг. метко была «не в бровь, а в глаз»:

*Зарекались комсомольцы
Вино пить, табак курить;
Скорей курица отелится,
Да что там говорить [28, с. 207].*

В ходе обследования деятельности фабрично-заводских партийных ячеек в ряде городов выяснилось, что среди выдвиженцев из пролетарских рядов «...пьянство в два раза сильнее, чем среди рабочих от станка». Особенно рост алкоголизма в среде коммунистов был отмечен в период борьбы с троцкизмом и новой оппозицией [29, с. 78].

Наиболее активно употребляли спиртные напитки рабочие, выходцы из деревни, 1900–1908 гг. рождения. Пьянство среди рабочих вело к снижению производительности труда и нарушению трудовой дисциплины. Комсомольцы со станции Костычи Сызранского уезда Ульяновской губернии так характеризовали самарских комсомольских работников: «К нам частенько приезжают из Самары комсомольцы четвертого райкома домой в отпуск. В ячейке не работают. А вместо этого пьют самогон и в пьяном виде идут в клуб за девушками «стрелять». Вздумали мы им говорить, что, мол, нехорошо пьянствовать. Они говорят: «В Самаре пьяный комсомолец – обыденное явление, недиковинка». Накануне Пасхи на вечере 80 % комсомольцев были пьяные» [29, с. 79]. Об этом писала газета «Голос молодежи». В 1928 г. некоторые самарские комсомольцы «пропивали сразу всю получку, а потом вынуждены были «класть зубы на полку» или воровать у своих же товарищей» [30, л. 80].

Пьянство порождали многие социально-экономические причины, среди которых следует отметить безработицу и беспризорность в городах, вовлечение в производство выходцев из деревни, тяжелые жилищные условия. Положение усугублялось также неудовлетворительной культурно-воспитательной работой государственных органов, снисходительным отношением к пьянству молодежи со стороны взрослых, неумением комсомола организовать досуг молодежи. Этому способствовали и разговоры о том, что «раз государство разрешает продажу вина, то какая может быть борьба?» [30, л. 34].

В марте 1927 г. Совнарком РСФСР издает постановление «О мерах ограничения продажи спиртных напитков». Этим постановлением была запрещена продажа спиртных напитков малолетним и лицам, находящимся в состоянии опьянения; продажа алкоголя в культурно-просветительских учреждениях и организациях, а главное – вводилось право местного запрета на водку. В городах Поволжья стали закрывать места продажи крепких напитков, расположенные вблизи заводов, фабрик и жилищ рабочих. Отмеченной мерой достигались некоторые положительные результаты, поскольку она применялась к местам распивочной продажи напитков. Из подобных мест торговля производилась обыкновенно значительно дольше, чем из прочих торговых зданий, в том числе из заведений для выносной торговли спиртными напитками. Поэтому употреблявший крепкие напитки рабочий, вернувшись с завода или фабрики, имел возможность в течение нескольких часов приобретать эти напитки в заведениях для распивочной торговли [31]. В Астрахани в 1928 г. в пятом районе, на углу улиц Суханова и Степнова, в магазине «Мукзани» в воскресные дни была распространена торговля спиртными напитками с черного хода. Рабочие, купив спиртное, садились на тротуаре около магазина и распивали приобретенные напитки [32].

Параллельно с административными мерами с 1928 г. резко активизировалось и трезвенническое движение. В 1924 г. по инициативе врачей в разных районах страны стали создаваться на общественных началах «группы по борьбе с наркотизмом», которые затем выросли в общественные комиссии по оздоровлению труда и быта. Члены этих комиссий организовыва-

ли «показательные суды» над алкоголиками, противоалкогольные вечера, с обязательным докладом в программе и «живой газетой» местного коллектива самодеятельности. Но это не были массовые общественные организации, «государственным делом» трезвенническое движение становится лишь после XV съезда ВКП(б).

16 февраля 1928 г. в Москве, в Колонном зале Дома Союзов, на собрании «энтузиастов противоалкогольной борьбы» было создано «Общество по борьбе с алкоголизмом» (ОБСА). Учредителями его стали советские, партийные, комсомольские работники, представители Наркомздрава, Мосздравотдела, Наркомторга, ученые. Целью общества была «помощь Советской власти в развитии культуры быта и борьбе с алкоголизмом как социальным злом».

Несмотря на усилия руководителей ОБСА, трезвенническое движение не стало массовым, численность общества к 1929 г. достигла лишь 250 тыс. членов. Главным образом это были рабочие с большим производственным стажем, молодежи в обществе было мало. Аскетические лозунги («Алкоголизм и социализм не совместимы!», «Изгоняй, кто поит, выгоняй, кто пьет!», «Даешь получку без вина!» и т.д.), как и конечная цель движения – борьба не со злоупотреблением, а вообще с употреблением, т.е. борьба за трезвость, не могли привлечь много сторонников. Ценности «продвинутых» рабочих были далеки абсолютному большинству российских мужчин, которые продолжали пить и считали это правильным. Да и с точки зрения властей радикализм лидеров трезвеннического движения вскоре стал серьезной помехой на пути к большому скачку в индустриализации и построении социализма.

Рост пьянства вызвал недовольство у близких. Жены пьющих мужчин требовали немедленного прекращения торговли винно-водочными изделиями. В дни получки на проходных заводов и фабрик собирались женщины, чтобы встретить своих мужей, так как многие зарплату до дома не доносили [29]. В городе Троицке перед каждой получкой жены встречали своих мужей с целью забрать у них хотя бы часть зарплаты, а то все будет пропито [33, л. 35].

Алкоголизм стал проблемой всего населения страны, так как в той или иной степени каждый гражданин соприкасался с этой бедой. Рост пьянства заставил президиум Ленсовета принять в октябре 1926 г. решение об организации первых в СССР вытрезвителей. В городах Поволжья вскоре тоже появились вытрезвители [34, л. 34]. В сентябре 1928 г. в Самаре было введено лечение алкоголиков ультрафиолетовыми лучами [35, с. 41].

ЦК ВЛКСМ призвал комсомольцев вовлекать в работу детей и пионеров. Так, весьма целесообразным считалось устройство детских демонстраций ко дню получки или обход рабочих квартир под лозунгом «Мы против пьяных отцов!» [36]. В Сталинграде 14 октября 1928 г. состоялась детская демонстрация протеста против пьянства с плакатами: «Долой пьянство!», «Каждая бутылка вина стоит 2–3 школьных учебника!», «Родители! Бросьте пьянство, организуйте в школах горячие завтраки!», «Взрослый, помоги ребенку быть здоровым!» [37, с. 10]. В Сталинграде 27 ноября 1928 г. в демонстрации приняло участие 12 тыс. пионеров и детворы [37, с. 12]. Над колоннами ребят пестрели полотнища с лозунгами: «Требуем закрыть все пивные!», «Отец, вместо бутылки вина, купи книжку!».

Таким образом, пьянство в рабочей среде стало традиционным элементом рабочего досуга. Рабочие оказались наиболее пьющей группой городского населения. Без сомнения, усиливались конфликты в семьях, а также,

вследствие пьянства отцов – основных кормильцев, ухудшилось материальное положение семей рабочих. Огромные убытки несло производство за счет пьяных прогулов, брака, производственного травматизма.

Список литературы

1. **Лебина, Н. Б.** Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930 годы / Н. Б. Лебина. – СПб. : Летний сад, 1999. – 318 с.
2. **Такала, И.** Веселие Руси: История алкогольной проблемы в России / И. Такала. – СПб. : Нева, 2002. – 336 с.
3. Государственный архив Пензенской области (ГАПО) Ф.Р. 2. Оп. 1. Д. 2494.
4. Коммунист. – 1924. – 12 июля.
5. **Панин, С. Е.** Повседневная жизнь советских городов: пьянство, проституция, преступность и борьба с ними в 1920-е годы (на материалах Пензенской губернии) : дис. ... канд. ист. наук / Панин С. Е. – Пенза, 2002. – 318 с.
6. Коммуна. – 1923. – 11 мая.
7. Коммуна. – 1923. – 27 июня.
8. Коммунист. – 1924. – 12 марта.
9. Статистический ежегодник Нижегородской губернии 1925–1926 гг. – Н. Новгород, 1928. – Вып. 1. – 256 с.
10. Отдел фондов общественно-политических организаций Государственного архива Пензенской области (ОФОПО ГАПО). Ф.П. 36. Оп. 1. Д. 962.
11. Трудовая правда. – 1925. – 4 января.
12. Коммуна. – 1925. – 15 октября.
13. ГАПО. Ф.Р. 36. Оп. 1. Д. 93.
14. **Стеблев, Э. А.** Экономика российской повседневности // Российская повседневность, 1921–1941 гг.: Новые подходы / Э. А. Стеблев. – М., 1995.
15. ГАПО. Ф.Р. 342. Оп. 1. Д. 216.
16. Коммуна. – 1925. – 3 апреля.
17. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф.Р. 37. Оп. 2. Д. 153.
18. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1013.
19. Трудовая правда. – 1928. – 16 июня.
20. ГАПО. Ф.Р. 2. Оп. 4. Д. 224.
21. ГАПО. Ф.Р. 2. Оп. 4. Д. 223.
22. ГАВО. Ф.Р. 2. Оп. 2. Д. 110.
23. Коммунист. – 1928. – 17 марта.
24. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 87. Д. 195.
25. **Ларин, А.** Алкоголизм промышленных рабочих и борьба с ним / А. Ларин. – М., 1929.
26. Пролетарский путь. – 1924. – 16 мая.
27. ГАВО. Ф.Р. 37. Оп. 2. Д. 134.
28. Голос народа: Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. / отв. ред. А. К. Соколов. – М. : РОССПЭН, 1998. – 328 с.
29. Голос молодежи. – 1925. – 20 мая.
30. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. Р. 857. Оп. 6. Д. 106.
31. Коммуна. – 1928. – 20 сентября.
32. Коммуна. – 1928. – 12 сентября
33. Центр документации новейшей истории Саратовской области (ЦДНИ СО). Ф. 27. Оп. 4. Д. 40.
34. ЦГАСО. Ф. Р. 779. Оп. 2. Д. 2006.

35. **Лебина, Н. Б.** Теневые стороны жизни советского народа 20–30-х гг. / Н. Б. Лебина // Вопросы истории. – 1994. – № 2. – С. 45–56.
36. Средневожская Коммуна. – 1929. – 7 мая.
37. Трезвость и культура. – 1928. – № 3.
-

Камардин Игорь Николаевич

кандидат исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой социально-
экономических и гуманитарных
дисциплин, Кузнецкий институт
информационных и управленческих
технологий (филиал Пензенского
государственного университета)

E-mail: sehd@mail.ru

Kamardin Igor Nikolaevich

Candidate of historical sciences, associate
professor, head of sub-department of social,
economic and humanitarian disciplines,
Kuznetsk Institute of Information
and Management Technologies
(affiliated branch of Penza State University)

УДК 944/9

Камардин, И. Н.

Пьянство среди рабочих Поволжья в период НЭПа / И. Н. Камардин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2011. – № 4 (20). – С. 26–33.